

Сопоставляя взгляды Мохандаса Карамчанда Ганди и Альберта Швейцера, профессор Лодзинского университета (Польша) И. Лазари-Павловска справедливо подчеркивает, что практическая деятельность Ганди и Швейцера принесла им несравненно более широкое признание, чем их концепции в области морали.

И. Лазари-Павловска ставит своей задачей ознакомление читателя с этическими программами этих двух известнейших гуманистов XX века, не вдаваясь в критический анализ их воззрений.

Не соглашаясь с исходными принципами гандистской и швейцеровской этики, отмечая их внутренне противоречивый, идеалистический и абстрактный характер, мы признаем ценным содержащийся в них призыв к преодолению преград для развития человеческой личности, к миру и сотрудничеству между народами. Не случайно нравственность социалистического общества признает и включает в себя основные элементарные моральные нормы, которые были выработаны человечеством на протяжении тысячелетий в борьбе с пороками и социальным гнетом и которые нашли свое отражение в этике гуманистов типа Ганди и Швейцера.

Однако следует помнить слова Энгельса: «Мораль, стоящая выше классовых противоположностей и всяких воспоминаний о них, действительно человеческая мораль станет возможной лишь на такой ступени развития общества, когда противоположность классов будет не только преодолена, но и забыта в жизненной практике».

И. ЛАЗАРИ-ПАВЛОВСКА

ГАНДИ и Швейцер — выдающиеся, достойные восхищения сыны XX века. Оба они значительно больше прославились своей жизнью и практической деятельностью, нежели тем, что писали и что провозглашали в качестве этической программы.

Альберт Эйнштейн говорил о Швейцере как о человеке, оказавшем «на современное поколение людей моральное влияние, выходящее за национальные рамки, которое можно сравнить с влиянием Ганди. Сила его воздействия, как и у Ганди, объясняется в основном личным примером, конкретными делами». Восхищение же свое Ганди великий ученый выразил в следующих словах: «Вождь народа, не поддерживаемый никакой административной системой, политик, обязанный своим успехом не ловким уверткам, а исключительно всепокоряющей силе своей личности, воин-победитель, который всегда презирал насилие,

мудрый и рассудительный деятель, стойкий и непоколебимый, отдавший все свои силы делу освобождения индийского народа и улучшения его доли; человек, который умел противопоставить экспансионизму Европы достоинство отдельной человеческой личности. Будущие поколения, видимо, с трудом смогут представить себе, что он был из плоти и крови, что он ходил по этой земле».

Неоднократно Швейцер и Ганди превозносились за неразрывную действительную связь слова и дела. Швейцер мог достичь в Страсбурге всех высот удачно начатой карьеры ученого и художника, Ганди — стать известным адвокатом. Оба свернули с удобного пути, сулящего личные успехи. Понимая, как много на свете зла, они предпочли не довольствоваться привилегиями судьбы, а поднялись на борьбу со злом: один — как врач обездоленных африканцев, другой — как защитник прав собственного народа. Оба полностью посвятили жизнь осуществлению своих этических идеалов. Амплуа их очень различны. Швейцер был поборником героизма личности, отстаивал право на индивидуальное служение человечеству. Оказывая людям помощь — непосредственно, конкретно, безотлагательно, — он реализовал идею братства и любви к ближнему. Ганди занимался широкой общественной деятельностью. Как реформатор и вождь народа, борющегося за свободу, он оказался в центре политических событий в стране. Самоотверженный и бесстрашный, он дискредитировал своей деятельностью индийскую традицию пассивности, вызвав к жизни невиданную доселе в стране активность масс. По словам Дж. Неру, он вселил в народ дух отваги, сделал его дисциплинированным, стойким, способным к подвигу во имя общего дела, исполненным радостного сознания долга. Это, однако, только часть правды о личности Ганди. С огромным напряжением он соединял в себе две тенденции, которые обычно считаются несовместимыми.

Это был индийский святой, аскет, которого без труда можно представить в пустыне, отрешенным от мирской суеты, думающим о спасении

ГАНДИ

души. Одновременно это был деятель, стремящийся к переустройству мира, вождь и организатор, трезво учитывающий реальные условия жизни, мастерски владевший искусством руководства массами.

Ганди как человек неизменно поражал людей. Неру сказал о нем как-то, что это невиданный парадокс. Трудно представить себе, как может уживаться в одном человеке обезоруживающая честность и способность к изысканному обходному маневру; утопическая мечтательность и трезвое знание жизни. Откуда такая власть у человека, не занимающего никакого официального поста, не имеющего ни богатства, ни титула, ни научного багажа? Изумляло не то, что за ним шли

массы: индийский народ испокон веков почитает своих святых аскетов, возглавляющих секты, в эпоху же широко развитых средств массовой коммуникации они способны привлечь миллионы сердец. Ганди объединил вокруг себя интеллектуальную элиту — и самое удивительное то, что элита эта состояла из людей, крайне непохожих, отличных друг от друга.

О Ганди существует много эффектных изречений. О нем говорят, что он был совестью планеты, обладал властью диктатора и умом демократа. Что легче было верить в него, чем в его принципы. Что он был как солнце, которое греет на расстоянии, но сжигает вблизи. Что временами он блуждал в поисках пути, но основное направление всегда чувствовал лучше других. Его сравнивали с Христом, Буддой, Сократом. Постоянно подчеркивалось его величие. Бернард Шоу, когда его спросили, какое впечатление произвел на него Ганди, сказал: «Это все равно, что спрашивать, какое впечатление производят Гималаи».

Через несколько лет после смерти Ганди Неру констатировал: «Скоро останутся лишь немногие из тех, кто знал его, кто на себе испытал обаяние его живой, сильной, прекрасной личности. Уже сегодня это почти легендарная фигура». Почти легендарной фигурой является сегодня и Швейцер. Жизнь, индивидуальность этих двух необыкновенных людей интересовала многих биографов. Предметом изучения и дискуссии становятся во все большей мере также провозглашенные ими этические программы, которые обнаруживают много общего.

Швейцер назвал свою этику этикой благоговения перед жизнью. Ганди важнейшим моральным постулатом считал постулат «ахимсы», или нестолновения зла. Названия программ различны — содержание их во многих пунктах сходно.

Психологическим источником морали, утверждает Швейцер, является способность человека к познанию других существ, к сочувствию им или опеке над ними. То же самое пропагандировал Ганди. Оба — и Швейцер и Ганди — считали, что чем нравственнее человек, тем шире круг лю-

которых соответствовал бы мир, не знающий жестокой борьбы за существование, мир гармоничного развития всех живых существ. Оба, однако, отдавали себе отчет в том, что их требования в области морали не отвечают законам, которые царят в мире. Мысль эту они формулировали почти одинаково.

Вот слова Швейцера: «Мое желание жить наталкивается на противоречия. Тысячей способов мое собственное существование пересекается с существованием других организмов. Меня тяготит необходимость уничтожить жизнь, наносить ей ущерб. Когда я иду по узкой тропинке, ноги мои сеют смерть среди населяющих ее живых существ. Чтобы сохранить собственную жизнь, я должен обороняться от тех, кто угрожает мне. Я преследую мышь, которая поселилась в моем доме, убиваю насекомое, которое ищет в нем убежище, уничтожаю массу бактерий, вредных для моего организма. Питаясь, истребляю растения и животных. Мое личное счастье построено на чужих несчастьях».

Вот слова Ганди: «Мир вплетен в цепь уничтожения... Нельзя прожить ни одной минуты, чтобы сознательно или подсознательно не совершить того, что причиняет другим зло. Даже такие действия, как принятие пищи, воды, передвижение, влекут за собой уничтожение чьей-либо жизни, пусть даже совсем микроскопической. Я знаю, что в процессе дыхания уничтожается множество невидимых организмов, обитающих в воздухе. Тем не менее я не перестаю дышать. Употребление в пищу растений есть также уничтожение жизни, и все же я не могу от этого отказаться. Насилием является применение бактериологических средств — но я не в силах запретить его. Бесконечен процесс уничтожения жизни, прямой и косвенной причиной которого являюсь я».

Законы природной жизни Швейцер и Ганди считали беспощадными, жестокими, неумолимыми. Оба прекрасно понимали: единственное, что может и должен свершать человек, — не причинять ни одному живому существу вреда больше, чем это продиктовано насущной необходимостью.

И ШВЕЙЦЕР

дей, с положением которых он должен считаться, тем больше у него «ближних». Швейцер в своей концепции «ближнего» расходился с европейской культурной традицией и был с этой точки зрения очень «индийским». Ближним для него был по существу каждый. Он требовал от всякого разумного живого существа моральных обязательств не только по отношению к людям, но и по отношению ко всем, кто одарен жизнью: «Животные, как и мы, хотят счастья, так же как мы, они испытывают страх, страдание, ужас перед смертью».

Ганди, говоря о животных, употреблял иногда слово «брат». Швейцер и Ганди принадлежали к категории людей, эмоциональным потребностям

Швейцер обратил внимание, что индийские теоретики морали, сделавшие догмой заповедь «Не убий», почти не учитывали, что существуют лишь ограниченные возможности охраны жизни живых организмов (нечеловеческих) в природе: «Непонятным образом они сохраняют иллюзию, якобы реализация концепции неубиения и ненасилия возможна для тех, кто ее придерживается».

Что касается Ганди, то он всегда жертвовал интересами животных, если они оказывались в существенном противоречии с интересами людей, в частности когда речь шла о защите людей от смерти, голода или болезни.

Швейцеру, человеку европейской культуры.

неоднократно ставилось в вину, что он уделяет слишком большое внимание охране жизни нечеловеческих организмов. Ганди, сын Индии, подвергался нападкам со стороны ортодоксальных индийцев за то, что слишком мало уважал право животных на жизнь. Он не требовал от людей, чтобы они были вегетарианцами, хотя сам таковым являлся, и более того, брал под защиту магметан, которые убивали священных для индийцев коров, мирился с ликвидацией злых собак, животных, уничтожающих посевы, и т. д.

Зная, что во имя сохранения человеческой жизни необходимо уничтожение животных, и Ганди и Швейцер выдвигали минимальное требование: не мучить и не убивать ни одно живое существо без насущной необходимости.

* * *

Значительно более важным, нежели сходство точек зрения по вопросу обязательств человека перед животными, является сходство позиций Швейцера и Ганди в подходе к проблеме человеческих отношений.

«Каждый человек как таковой является нашим ближним», — утверждал Швейцер. Для Ганди этот принцип был основополагающим в его общественной деятельности. До него, пожалуй, только индийский император Ашока (III век) проявлял подобное настроение и то лишь после морального потрясения, пережитого в результате собственных кровавых репрессий. «Для примитивного человека, — утверждал Швейцер, — границы солидарности с другими людьми крайне непротяженны». Подтверждение этому часто давала врачебная практика Швейцера в Ламбарене. Когда ему случалось просить легко больного пациента об оказании услуги тяжело больному, тот соглашался на это при условии, что будет иметь дело с членом своего племени. В противном случае следовало откровенное заявление: «Это не мой брат». «Никакие уговоры и никакие угрозы не могут склонить их к тому, чтобы предпринять невероятное: пожертвовать чем-то ради чужого», — писал Швейцер.

Несмотря на то, что идея гуманизма в виде лозунга: человек имеет моральные обязательства по отношению к любому человеческому существу, с которым его сводит жизнь, — периодически появлялась в истории этической мысли, по мнению Швейцера, она далека от победы. Повсюду наблюдается разделение людей на своих и чужих по расовому, национальному, религиозному или какому-либо другому признаку, вследствие чего возникает безразличное, недоверчивое, часто враждебное отношение к другому человеку, поощряется пренебрежение к его благу. Особенно был неприятен Швейцеру национализм. «Мы должны мыслить категориями человека и человечности», — говорил он. Закон стоит на страже минимума обязательств по отношению к другим людям, мораль обязывает к большему. Иногда совесть велит человеку настолько расширить границы понятия «жертвенность», что в дар людям приносит собственная жизнь.

Всякая самоотреченность и жертвенность является, по мнению Швейцера, правом свободного выбора. Некоторым людям (например, врачам) профессия предоставляет особые возможности делать людям добро. В идеальном варианте каждый в какой-то мере должен доказывать свое забот-

ливое, благожелательное отношение к другим. В связи с этим Швейцер обращается к тем, кто в круговороте повседневных дел «не уделяет людям частицу себя», он призывает их найти «побочное занятие», скромное, незаметное, по возможности содержащееся в тайне. Однако при осуществлении индивидуальных контактов мало иметь доброе сердце и быть способным к самопожертвованию. Швейцер провозгласил принцип участия человека в организации общественной жизни. При этом он призывал помнить, что общественная деятельность каждого не всегда несет только добро. Оказавшись перед лицом неизбежного противоречия между возможностью реализации того, что благоприятно для конкретных людей, и успешной защитой интересов общества, следует иногда предпочесть интересы общества и отступить от принципов, которыми склонен руководствоваться в личной жизни: «Когда дело касается меня лично, я могу быть терпеливым, снисходительным и милосердным. Каждый из нас, однако, может оказаться в ситуации, когда, неся ответственность за какое-то дело, вынужден будет принимать решение, не совпадающее с его личными представлениями о морали». Чем шире поле деятельности человека, тем чаще возникают подобные ситуации.

Швейцер был противником рутинного подхода к разрешению конфликтов. В каждом отдельном случае следует решать особо, действительно ли необходимо самопожертвование, и даже если оно необходимо, не должно ли оно пройти для человека безболезненно. В 1923 году Швейцер писал: «Мы слишком мало боремся за гуманизм. Все мы, начиная от исполнителей самых скромных ролей и кончая крупными политическими деятелями, решающими проблемы войны и мира, слишком много действуем не как индивидуумы, а как люди, способные без всяких усилий выступить лишь в роли исполнителей коллективных интересов».

По утверждению Швейцера, тяга к человеческим благам особенно сильна у людей, занятых общественной деятельностью, поскольку они отстаивают не собственные интересы, а коллективные, то есть действуют не из эгоистических побуждений. Однако независимо от того, руководствуется ли человек собственными интересами, или заботится о коллективном благе, каждое причиненное кому-либо зло всегда будет злом и должно называться злом, даже если оно необходимо для защиты от большего зла. Человек, морально уязвимый, не может, по Швейцеру, пребывать в состоянии самодовольства: «Чистая совесть — изобретение дьявола». Беспокойство, вызванное причинением зла, должно побуждать людей к поискам все лучших решений жизненных проблем. Это беспокойство способствует возникновению желания ограничить чинимое кому-либо зло рамками острой необходимости.

В своей этической программе Ганди использовал древнеиндийские принципы, из которых особенно важным был принцип «ахимсы». Принцип этот был провозглашен в Индии с древнейших времен. Его пропагандировал буддизм, индуизм и особенно джайнизм. Несотворение зла понимается как неубиение и ненасилие. Ганди включал в понятие «ахимсы» более богатое содержание и придавал ему положительный смысл: «ахимса» в его интерпретации — это постулат абсолютной добродетели, проявления доброй воли по отношению ко всем. По этому принципу каждый чело-

век, кем бы он ни был, какую бы реальную ценность ни представлял, есть существо, благо которого постоянно должно быть целью всякой деятельности.

Принципы, близкие по содержанию «ахимсе», — благожелательность, любовь к ближнему, гуманизм — провозглашались разными культурами как универсальные и обязательные и до «ахимсы». Поддерживались они, правда, людьми, далекими от общественной деятельности, не участвующими в борьбе. Особенность Ганди состоит в том, что он стремился к претворению в жизнь принципа «ахимсы» как вождь борющегося за свободу народа. Постоянно, не щадя сил, он искал возможности ограничить причиняемое кому-либо страдание. Кому-либо — следовательно, и недругу тоже.

Как человек дела, Ганди, разумеется, был не в состоянии делать добро, никогда никому не причиняя зла. Уделом его неизбежно оказывались компромиссы — решения, которые он считал наименьшим злом. Идя на компромиссы, он сохранял, однако, — как того требовал от всякого деятеля Швейцер — чуткую совесть. Зло необходимое, зло наименьшее не переставало быть для него злом. Он не пробовал убедить себя и других в том, что содеянное им добро исключает всякое зло. Он открыто заявил, например, что английские ткачи из Ланкашира потеряли работу в результате организованного в Индии бойкота британских товаров и живут в нищете; оправдание он находил в том, что такой ценой была сделана попытка спасти уже не от нищеты, а просто от голодной смерти миллионы людей в собственной стране.

Ганди хотел исключить из всякой борьбы, возникающей между людьми, два фактора, очень часто с ней сопряженные. Во-первых, он не позволял себе культивировать ненависть и пробуждать ее в других. По мнению Ганди, не существует ситуации, в которой ненависть была бы оправдана, — речь идет о ненависти к человеку, — ибо надо ненавидеть зло, но нельзя ненавидеть отдельных носителей зла. Во-вторых, он стремился отказаться от некоторых методов борьбы, в частности от насилия. Не пренебрегая борьбой, он хотел ввести такие методы, которые не были бы связаны с кровопролитием.

Широко распространено убеждение, будто бы Ганди выдвигал идею непротivления злу. Это убеждение ошибочно. В действительности Ганди был сторонником неустанной борьбы со злом. Протест человека против зла, причиняемого ему лично, он считал моральным обязательством; значительно большее внимание он уделял, однако, противодействию злу, совершенному по отношению к кому-либо, то есть позиции опекуна и защитника других людей. Проблема защиты от зла была для Ганди настолько важной, что иногда отказу от обороны он предпочитал даже оборону путем насилия. Характерное для него требование можно выразить тезисом: надо бороться со злом и в каждом отдельном акте этой борьбы всячески стараться избегать насилия.

В конкретных условиях Ганди был далек от доктринерства. С полным сознанием сложности ситуации он искал решений, наиболее соответствующих требованию момента, признавая в некоторых случаях вооруженную оборону наименьшим злом. Порой он приводил кое-кого в заме-

шательство тем, что недостаточно последовательно отвергал насилие. Существовало мнение, что, если не отрицать насилие безоговорочно, следовательно, стоишь на стороне зла. Но Ганди понимал: сохранить чистые руки при любых обстоятельствах могут лишь те, кто предоставляет другим труд организовывать жизнь. Он знал, что, хотя и не всегда можно избежать зла, существует широкая шкала качественных различий между людьми в области реализации их моральных идеалов. Признания заслуживает тот, кто старается ограничить зло. Вот что сказал по этому поводу Ганди: «Ахимса — важнейшее моральное обязательство человека. Даже если мы не в состоянии осуществить его в полной мере, мы обязаны стремиться избегать насилия всякий раз, когда это в человеческих возможностях».

Ганди верил, что не существует сердца, окончательно окаменевшего, не способного испытать естественный прилив благожелательности. «Никто в мире не пал так низко, чтобы его нельзя было возродить любовью».

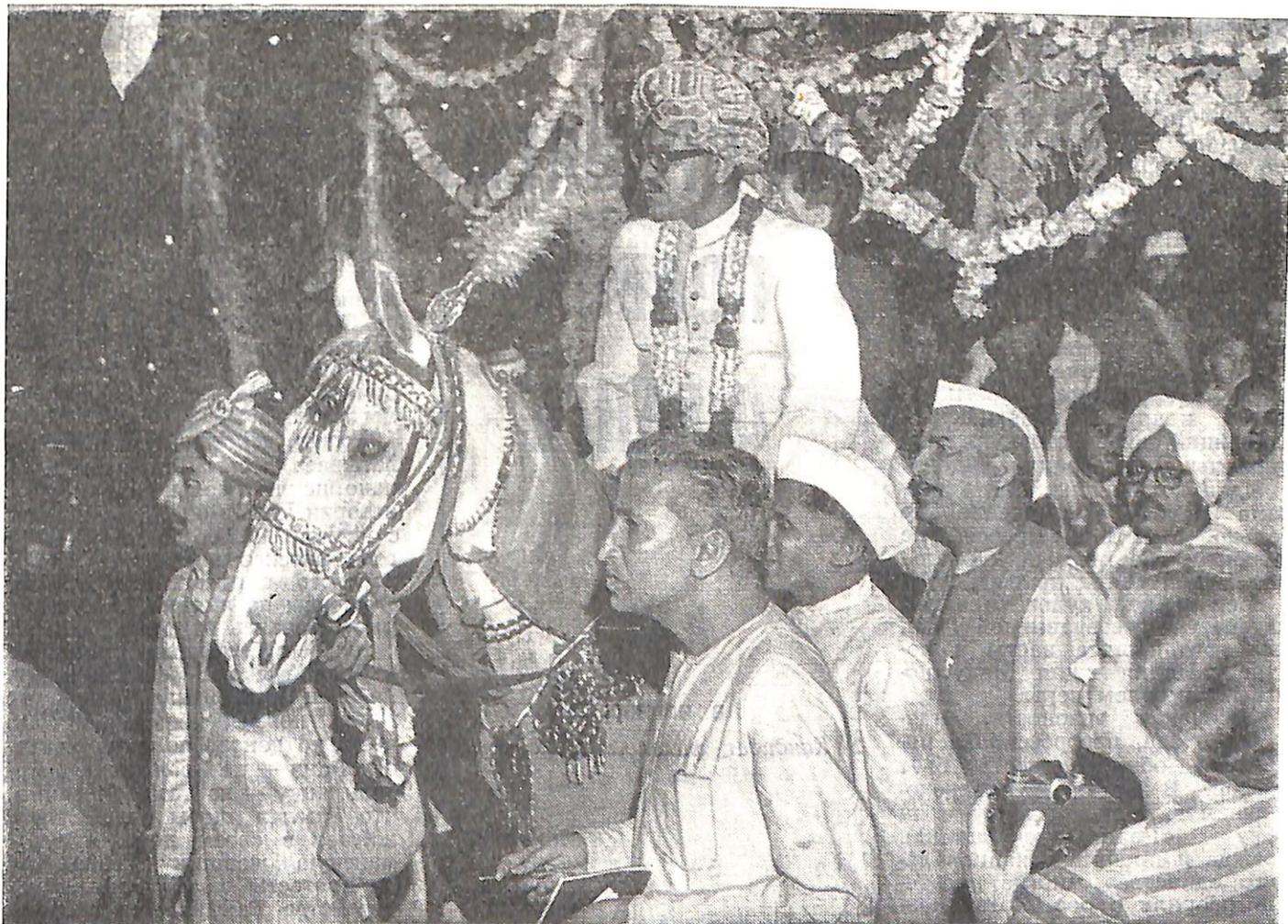
Известно много случаев, когда противник уступал Махатме Ганди без принуждения, первым протягивая руку дружбы, становясь его сторонником. Неру утверждал, что одной из поразительных черт Ганди была способность привлекать на свою сторону противника: «Он был живым примером того, как человеческая доброта вызывает в людях ответную доброту, как любовь рождает любовь, а мягкость способна укротить даже самых необузданных и экспансивных». Разумеется, Ганди одерживал такого рода победы скорее при личном контакте с каким-либо противником дела, за которое сам боролся, да и то не всегда.

С течением времени все трудней было Ганди давать согласие на вооруженное участие в какой-либо войне даже оборонного характера. Его приводило в отчаяние развитие военной техники, массовый характер производства средств уничтожения, угроза атомной катастрофы: «Одно не подлежит сомнению: если будет продолжаться столетняя гонка вооружений, это приведет к катастрофе, которой еще не знала история человечества. Даже если кто-то останется в живых как победитель, победа его будет равнозначна смерти». Ганди считал иллюзорными надежды некоторых политиков на то, что создание атомной бомбы ознаменует наконец эру мира в истории человечества. Открытие эффективных средств уничтожения людей не является, по его убеждению, решением проблемы мира. «Когда пройдет первоначальное состояние ошеломленности и отвращения, вызванное испытанием атомной бомбы в Японии, — утверждал Ганди, — люди вновь смогут вернуться к методам насилия и применить все доступные им в настоящее время средства уничтожения. Чтобы спасти мир от катастрофы, необходима перемена в человеческих умах».

Решительный протест против гонки вооружений и призыв к миру между народами — вот что еще роднит этих двух гуманистов.

В последние годы Швейцер стал горячим сторонником борьбы за мир. Это было логичным завершением честно прожитой жизни. Можно по-разному оценивать этические программы Швейцера и Ганди, но бесспорно одно — искреннее стремление того и другого к мирному сосуществованию на земле, необыкновенно чуткое отношение к проблемам морали снискали им симпатию людей во всем мире.

ИНДИЙСКАЯ СВАДЬБА

В СРАВНЕНИИ с тем, как вступают в брак у нас, церемония бракосочетания у индийцев — дело долгое и сложное. Почти вплоть до самого освобождения страны бытовали ранние браки. Ганди, например, был обручен в первый раз в возрасте двух лет, а в три года — уже вторично. Но обе его невесты вскоре умерли, и третья помолвка в шестилетнем возрасте завершилась браком, когда ему минуло 13 лет.

Девочка с ранних лет свикается с мыслью о замужестве, в течение некоторого времени выполняет «братья» — целую серию обрядов, при отправлении которых она обращается к различным богам, заклиная их даровать

ей образцового и верного «царственного супруга», а также хороших свекра, свекровь, деверей и т. п., заклиная принести ей счастливое материнство. Обряды эти совершаются обычно в апреле — наиболее благоприятном для брака месяце.

Затем сваты и сватьи с благословения родителей берутся за дело практически, отыскивая подходящих жениха или невесту. После торжественной помолвки, которая отмечается не менее пышно, чем сама свадьба, до наступления брачного возраста все стихает. Дети предаются незатейливым играм.

Свадьба празднуется несколько дней, пышность ее зависит от материального положения родителей новобрачных. Такую, как изображенная на этих фотографиях, могут позволить себе лишь очень состоятельные люди. Для

многих она просто разорительна. Жених и невеста — уже взрослые, но, как правило, незнакомые друг с другом люди, — сидят рядом, с тоской оглядывая веселящихся родственников. Жених едет в дом невесты за выкупом в паланкине, а кто побогаче — на лошади или даже на слоне. Для основной церемонии с угощением устраивается специальный навес, так как на свадьбу приходят и без всякого приглашения все, кто имеет хотя бы какое-то отношение к молодым или их родственникам.

В новой Индии все чаще браки стали совершаться без согласия родителей, по обоюдному желанию самих молодых людей, выкуп нередко превращается в чисто символический, а свадьба празднуется всего один-два дня. Древние традиции постепенно обновляются.